

Я безотчетно боялась за Олега. Мне казалось, что его белую простыню среди зелени заметят немцы. Олег посмеивался:

— Что же ты, мама, думаешь, простыня — это тоже военный объект? Это же обыкновенный материал, а под ним спит обыкновенный субъект!

В П У Т Ь

В Краснодоне во второй раз началась эвакуация. В нашем доме тоже готовились к отходу. Хотя и верили мы, что настанет время, когда мы снова возвратимся в родные места, но на сердце было тяжело. Олег всячески старался успокоить тех, кто впал в отчаяние:

— Глупости! Били мы немцев на Чудском озере, попало и Наполеону под Москвой, а чтобы теперь наши фашистов не разбили? История еще не отмечала того, чтобы русская земля была когда-нибудь завоевана, а теперь и подавно. Ничего не бойтесь! Сталин с нами. А армия наша, а флот, а партизаны? Помните, как еще Тарас Бульба говорил: нету на свете такой силы, чтобы она сломила русскую силу!

И нам становилось как-то спокойнее от его слов.

А по дорогам, по всем улицам Краснодона все двигались и двигались бесконечные людские потоки. Хрипло мычал голодный скот, причитали женщины, а дети уже не могли и плакать.

На машинах, на телегах, на тачках, а то и на себе люди уносили свой скarb, уходили от немцев. Все это, двигаясь на восток, перемешивалось с воинскими частями. Иногда весь этот шум, крики и плач перекрывал лязг гусениц танков. Шла кавалерия, двигалась пехота. Почерневшие лица у бойцов и командиров были угрюмы.